

* * *

О поэзия! В бурях тревожных...

И.С. Семёнова

Небесный свет над куполом Земли
ещё пылает ярко-золотисто
и, восходя над городом лучисто,
летит к холмам, где мы, мой друг, вели
земную жизнь, наш повседневный быт,
свои дела, обычные заботы:
берут своё безропотные годы;
вода речная стынет и рябит
в моих глазах, по кронам вознося
свои лучи – искрящиеся блики:
среди склонов тропы огненны и дики,
где предок наш, своих врагов разя,
из пепла трижды стены возводил,
детей своих учил стрелять из лука,
а ныне всё – безрадостно и глухо
к словам отцов, что нет порою сил,
хоть каплю мысли отрокам отдав,
найти ответ, достойную отдачу;
порой поверить проще в неудачу,
бродя среди оврагов и канав,
в лесу срывая ягоды калин,
кладя грибы в плетёную корзину,
но каждый раз, когда поля окину

усталым взглядом, вновь стою один
среди стройных трав – и слышу дальний звон,
мечей, лучей ли вскинутые звоны?
Июльской дымкой стянуты затоны,
захвачен берег в огненный полон;
бушует битва – зримо для меня
и для других людей, увы, незримо, –
так много пепла и земного дыма,
что в сотый раз, нашествия кляня,
молю и, небо стоном огласив,
прошу услышать истинное Слово,
в котором – вера и любви основа,
в котором – свет дозорный и мотив
иных миров... Всесилен и высок
небесный миг над сводами заката,
и ничего, наверное, не надо:
искусство – жить дыханьем вещей строк!

* * *

Легка рассветная звезда,
в хрустальной дымке бирюзова –
среди неслышимого зова
ясна, крылата, молода;

летит среди миров чужих,
которым много лет знакома:

среди полей, над крышей дома
так много их, так много их;

их не понять из древних книг,
не осознать удел их вечный
и взмах крыла, почти беспечный,
несущий нам всего лишь миг;

умом постичь – напрасен труд,
открыться сердцем – бесполезно:
легка пылающая бездна
рассветных, солнечных минут.

СТЫЛЫЙ АВГУСТ

Снова август с оранжевой свечкой...

И.С. Семёнова

I.

Снова август, кивнув в полудрёме,
остывает средь скошенных нив,
а в знакомом окраинном доме
брезжит лампа, лучи обронив;
приоткрыты старинные шторы,
под окном – в лозняке городьба;
расходясь вдалеке, косогоры
тянут тень от кривого столба –
по лугам, к родникам, к перелескам,
к темноте, возведённой стеной:
в наплывающем воздухе резко
ощущается привкус грибной;
пахнет мхом и ракитовой гнилью,
носит трели в низине вода,
я всю душу, наверное, вылью,
чтобы снова вернуться туда,
где прошли мои дни молодые,
беззаботные давние дни,
в тех краях, где о злобном Батые
помнят камни, дубовые пни,
придорожная пыль и овраги,
растворённая в почве зола:
если б высказать всё на бумаге,
меня снова печаль не звала...

II.

Всё-то было тогда по старинке:
тёплый вечер, шуршание крон,
молоко в светло-бежевой крынке,
водокачки напористый стон,
бесконечные склоны, и травы,

и развалины монастыря;
да, конечно, историки правы
в том, что, власть безутешно коря,
собирали несбыточно крохи
и событий, и стёршихся дат:
родники кровожадной эпохи
до сих пор обо всём говорят,
что от глаз обывателя скрыто
и оставлено тлену веков;
может быть, лишь небесное сито,
лишь полёт неземных мотыльков
нам способен, хоть что-то поведав,
приоткрыть предначертанный путь
и, напомнив о подвигах дедов,
нас на кру́ги земные вернуть;
я молчу – и всё слушаю небо,
небо слушает молча меня:
стылый август у древнего склепа
плачет, каплями в травах звеня.

РОДНИКИ

Дозорный свет невыразим...

В. Дронников

I.

День июльский глубок и возвышен,
молодая листва зелена,
на ветвях завязавшихся вишен
застывает небес тишина;
далеко до крещенских морозов,
боль осенних разлук далека,
у реки фиолетово-розов
заклубившийся дым костерка,
где колышутся тонкие ветви
над глубинами стынущих вод:
над холмом невесомые петли
всё плетёт и плетёт небосвод,
а рыбак прочной сетью рогоза,
словно ствол над затоном, овит;
тёплый вечер немногоголосо
обо всём не спеша говорит:
и о том, как прозрачен и колок
свет в студёной воде родников,
и о том, что сиреневый полог
трав цветущих под сенью веков
укрывает всё то, с чем спокоен
упоительно трепетный час,
и всё то, с чем набат колоколен
возносился о предках, о нас –

II.

в миг пожарищ и грозных набегов,
в дни взметнувшихся огненных стрел;
где ещё мне сыскать оберегов,
тех, чьи силы народ мой воспел
многократно, в беде и в молитве,
в каждодневном суровом труде?
Умирать ли, с достоинством жить ли –
всё написано в стылой воде,
в родниковой, старинной, глубинной,
в звоне капель, в сплетении струй;
о судьбе незавидной, былинной
мне поведай, в строке нарисуй,
о коварное давнее время,
о всеильная тьма и покой,
о Творец, не с тобой ли я, внемля,
всё стою, словно страж, над рекой?
Вижу башни дозорные где-то,
слышу битвы стихающей звон,
звон мечей, звон тугого рассвета,
набежавшего с разных сторон;
о строка, словно блики из жожен,
капли света берут родники
из земли... Летний день осторожен
и высок в отраженьях реки!

ЗНАКОМЫЙ КРАЙ

Вдруг начинаю слышать тишину...

Г.А. Попов

I.

Проходит день, неделя, целый год –
река вздымает солнечные блики,
листва летит, срываясь в небосвод;
вдоль леса травы спутаны – и дики;
пыль солона, вольна и глубока,
а у болот, качнув тугую тину,
взлетают утки, слышен звук манка;
и только взглядом край небес окину –
в который раз всецело и легко
увидю тропы, чащи золотые,
грибы в корзинах, в крынке молоко
и на телеге – лица молодые:
жила деревня, славило село
свои пути и время урожая, –
как будто душу, мысли замело
сухой листвой; страна моя большая,
ты – здесь, у стен и храма, и давно,
давным-давно забытого амбара,

где нет зерна; увы, немудрено –
жить после бездны или, от угара
почти полвека снова отходя,
мечтать, любить, искать свои истоки
и воздух, словно капельки дождя,
глотать, клеймя кровавые эпохи, –

II.

эпохи зла, неверия, огня,
войны, ещё одной войны жестокой,
забвенья, смерти; всё же, не вина
тебя, страна, средь дали синеокой
иду, дышу и верю в твой удел,
далёких предков скорбь благословляя;
над лесом гулко благовест пропел,
над миром, синь и звёзды застилая,
взлетели души, лики, голоса –
родных скитальцев рать неисчислима,
светла, добра, крылата и боса
в огне небес, в круженье снов и дыма:
извечна битва за тебя, мой край,
врагом стократно клятая Россия;
прошу: себя теперь не открывай
всем иноземцам; сколь ни колесил я –
не видел лучше стран и берегов:
здесь родников моих вода студёна,
здесь, средь ложбин и деревенских мхов,
здесь, у калитки и родного клёна;
я точно знаю, сотни раз моля
пред ликом в храме иль среди равнины:
мой древний край – Вселенная моя,
знакомый край мой, сосны и осины...

* * *

Мне жизни жаль... Её так мало...

В. Дронников

Река твоя черна, иль золота,
иль зелена и даже бирюзова –
всегда светла её ключей вода,
а у небес всегда найдётся слово
тебе, о давний дивный городок,
поднявший ввысь крыла былой Отчизны
с холмов, где многим горечи предрёк
святой Георгий¹ на пороге тризны
и трижды клятый русичем монгол

¹ *Георгий Коссов* (Егор Чекряковский), уроженец Орловской губернии, 9 октября 2000 г. канонизирован в лике святых.

стоял у стен, пуская стрелы люто,
а ныне славу и покой обрёл
на склоне храм, в столпотворенье люда,
в столпотворенье закипевших слёз –
вечерних звёзд, тех, что всегда крылаты;
сюда мой предок крест судьбы пронёс,
сюда, где были царские палаты
и двор гостиный для больших господ,
куда входил сам Иоанн когда-то:
мой древний город, огненный оплот,
дозорный свет и пушек канонады –
всё это ты; история вольна
нас засыпать и пеплом, и золою;
пройдя свой путь, теперь сильна страна,
но я иллюзий, в общем-то, не строю,
ведь вновь монгол по-своему лукав,
а чужеродцы, напивавшись скверны
и под крыло врагов Руси собрав,
вновь точат сталь; о, как же лицемерны
их лица злые, лица не славян,
а лютых бесов, исказивших Слово:
хотя туман лугов заречных прян,
попынный свет из недр сочится снова;
и свет – на свет, и тьма идёт на тьму,
и тьма – кругом, лишь теплится лампада:
порой и я, смущаясь, не пойму,
что вам, о люди, в смерти братьев надо?..
Река течет, а по реке – ладья:
так вижу я – грядущее ль, бывшее?
Возможно, в той ладье стою и я,
а тёплый луч лежит на аналое...

КОСТЁР НА БЕРЕГУ

Неугасающий костёр...

И.С. Семёнова

...Пейзаж таков: леса, река – рубеж,
рубеж души, земли моей старинной,
где то мелькнёт пригорок белой глиной,
то в поле станет дымка цвета беж,
а то журавль, вздымаясь высоко,
качнёт ведром над худенькой деревней –
и сквозь листву повеет скукой древней
былой усадьбы, жившей нелегко;
вдоль склонов сонно стелется овёс –
то в полный рост, а то совсем не густо;
к чему искать основу для искусства,
когда она – повсюду, в блеске звёзд,

в земной росе у чьей-то городьбы,
к зелёным пням склонившей свои прутья;
глубок туман, в пыли, у перепутья,
легка печаль, привычен ход судьбы,
привычно всё, о чём ни говори:
и вечен свет, и беспросветны мысли,
а на листве уже давно повисли
лучи вечерней пристальной зари –
в огнях рябин и вспышках синевы;
за рощей – лес, за склоном – снова поле,
то половик на старом частоколе,
то вдоль реки ухабистые рвы,
к которым боком съехала изба,
то дом кирпичный – среди сосен ярок,
то возле фермы несколько доярок;
о Боже, Боже, это ль не судьба –
любить свой край и в муках, и в труде,
и в беспросветной повседневной битве,
в самозабвенной праведной молитве,
в земле, в огне иль в дождевой воде,
с которой снова, облетев весь мир,
к знакомым окнам примыкают души,
чтоб ощутить удел прошедшей стужи
и возвратиться в солнечный эфир:
горит костёр, костёр на берегу
земли, России, хлынувшей Вселенной;
куда бы я ни мчался в жизни тленной –
его основу в сердце берегу!..

* * *

Твои калитки, улицы, дома,
твои мостки, восславленные храмы,
и лихолетья огненные драмы,
и благородства смертная сума,
твои пригорки, где в рассветный час
с полей ручьи ночные васильковы,
а на дверях старинные подковы –
всё это пульс, который – в каждом, в нас,
о древний город, вставший на холмах,
на девяти холмах – по воле рока,
и ощутивший лютый шквал востока,
и исцеливший души через прах
далёких предков, но я вижу вдруг
в лице знакомом лик бывшего предка,
который бил врагов довольно метко,
иначе всё исчезло бы вокруг:
и вал, где ныне расположен сквер

и оглашают каждый час куранты,
и дальний путь, где, может быть, Атланты
искали смысл своих незримых сфер;
«Гиперборея», – скажите; вполне,
её найти – извечная проблема,
почти такая, как в романе Лема,
а между тем: на каменистом дне
твоей реки, мой город, вижу вновь
обломки стрел, осколки черепицы
и след веков – взлетевшей колесницы;
какую мне печаль ни приготовь –
благословляю улицы и рвы,
речной воды светящиеся мели;
что мы, о братья, сохранить сумели?
Россия, Русь, Отечество, все мы –
едины мы в победе над собой,
в любви к гробам отеческих окраин,
где дух рассветный чист, благоуханен;
о, сколько можно плакать над судьбой?
Несут рябины дробь небесных гряд.
Светла ль печаль?.. Лик преподобный светел!
Тебе, мой город, я строкой ответил:
мои стихи тебя боготворят!

* * *

Храм Рождества Христова – надо мной:
мой дом в низине, у реки, за лугом,
где ходит солнце в роще полукругом
и склон холма встаёт почти стеной,
куда в кровавой пене на ходу
когда-то люто прыгали монголы –
и поправлял на троне свои полы
великий хан; гореть ему в аду!
Гореть в аду и ляхам, тем, что речь
свою несли среди ликова православных,
и тем, кто счёл себя во всём за главных
не так давно, – хочу предостеречь
врагов Руси: так было, будет, есть,
что наши силы вещие крылаты,
хотя не ждём за кровь свою расплаты, –
сама собой приходит с неба месть;
мой дружелюбный и святой народ,
в своём труде ты праведен и вечен,
твоим врагам тебе ответить нечем –
они, увы, не знали тех невзгод,
которым было вольно на Руси:
бывало так, что злое попущенье

преображалось в славное служенье;
меня, о бес, ты трижды искуси,
но дай остаться сыном и отцом,
далёким внуком, истинным потомком
своих начал, в своём эфире тонком,
а быть точнее: под Его венцом –
венцом Христа, с которым светел час,
час долгожданной утренней молитвы –
почти незримой каждодневной битвы,
с которой мы едины, – много нас!
Кто жив ещё, а кто – на небесах,
но связь миров с молитвой ощутима
и в тихом слове, и в круженье дыма,
и средь лучей, несущих чей-то прах.
Моя молитва за тебя, мой край,
и за твои суровые години:
не нужно мне и мира половины –
своих врагов безжалостно карай!

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Из века в век, к несчастью, повелось:
враги лютуют, нас уничтожая,
и забирают крохи урожая,
и вымещают варварскую злость,
и, распиная женщин и детей,
уводят лучших безвозвратно в рабство:
молчит Европы лживое аббатство,
но ты, душа моя, молчать не смей!
Не смей молчать о подвиге людском
и не робей! В полон уйти не смея,
не раз, не два Иван рубил Кощя,
не первый раз глотает с кровью ком
родной земли – от рытвин и копыт,
от вздыбленных над бездною разрывов,
от повсеместных ссадин и нарывов,
но подвиг ратный нами не забыт!
Пускай лукаво щурится монгол,
вздымая гниль былую из могилы,
и «трампы-меи» снова копят силы –
на всех найдётся и копьё, и кол;
прошёл четыре огненных войны
мой прадед, дед спасал народ Кавказа:
смешна теперь фашистская зараза,
не осознавшая, увы, своей вины;
в хмельном наплыве злого говорка
соседей речь глумливо лицемерна,

но знают всё – где правда, а где скверна –
правдиво в бесов бьющие века!
Владимир-князь, Евпатий Коловрат,
и Дмитрий с Дона, ангел Шереметев² –
встают над мерзким гниlostным отрпьем,
и сотни раз бесметен Сталинград!
Бессмертный полк шагает по стране!
Крылат и долог шум летящей рати,
а вы, враги, подальше на закате
себя скрывают в службе сатане!

* * *

Морозный воздух. Тишина.
Осенний свет благоуханен.
Листва с тропинки сметена,
В дымке неведомых окраин

Мерцают зябко фонари –
Под перелётным звёздным тленом.
На крыльях утренней зари
День тлеет в зареве степенном:

Светает... С бликами коры
Сплелись наплывы тонких линий,

На предрассветные дворы
Спорхнул едва заметный иней.

И, в небо взглядом проведя,
Простившись с выветренным летом,
Легко почувствовать себя
Ушедшим – и пришедшим светом...

* * *

«Несовершенен этот грешный мир...» –
казалось, нет обыденнее штампа,
но на столе горит над книгой лампа,
к рукам роняя солнечный эфир, –
и вырастают крылья за спиной,
а руки, вдруг наполненные светом,
благие вести с праведным ответом
возносят к небу, вспыхнув синевою:
и синь чернил, и неба синева –
каких ещё искать мне откровений,
когда всегда душе понятен Гений,
а благодать всегда во всём права;
прекрасен мир, он светом наделён
в холодном блеске вечного круженья,
чтоб мы искали смысл и отраженья
самих себя среди иных времён!

² Иван Васильевич Шереметев – предводитель русского войска в сражении с ордой под управлением хана Девлета I Гирея 24-25 июня 1555 года в окрестностях села Судбищи (Судбищенская битва).

Болхов, День города. 2016 год.